

Юлия Басова

Люська

Она ушла. Эта любимая стерва, со сладкими золотыми волосами и пряным, извилистым телом, которое, словно горячий воск, ласково плавилось когда-то в его руках.

А теперь она, терпкая, живая, искристая, и такая негибкая в своём стремлении к счастливой и яркой жизни, наслаждается объятиями того, другого.

Этот «другой» слишком красив, чтобы его не захотеть. Этот «другой» слишком богат, чтобы не пожелать стать его женщиной.

Этот «другой» слишком сильно полюбил её, чтобы она смогла остаться с мужем. Этот «другой» уже никогда не отпустит её от себя, она теперь с ним.

И плевать, что она была Роминой женой целых 13 лет. Плевать, что у них есть дети. Плевать, что он без ума от неё, как и тогда, в первый день знакомства, когда она улыбнулась ему своей лучезарно-безразличной улыбкой. Эту улыбку и долгое равнодушие к нему он не мог ей простить все эти годы. Да и не простит, наверное, уже никогда...

Рома нехотя сел на кровати и обхватил ладонями своё небритое лицо. За окнами сиял бессмысленный летний день. Дом уже прогрелся под палящими солнечными лучами, и в спальне было невыносимо жарко. Так же невыносимо было вставать и тащиться в душ. За шумом льющейся воды он пытался различить привычные звонкие голоса детей, дерущихся или играющих, а может, совмещающих эти два увлекательных занятия. Однако, выключив кран, Рома окончательно осознал, что совершенно один в этом громадном особняке. Захотелось выть. Так выть, чтобы соседи из других домов сбежались и, разобравшись в чём дело, всем колхозом позвонили бы жене, и уговорили вернуться к нему. Умоляли её, упрашивали, стыдили, убеждали.

Свои доводы он давно исчерпал. Она была непробиваема, как плита на его будущей могиле. Он грозил, что заберёт детей. Она улыбалась своей счастливой улыбкой. Он обещал отрезать причиндалы тому, другому. Она смеялась, словно Рома – один из её детей и лопочет всякие глупости. Он стоял на коленях, признаваясь ей в любви, и лишь это омрачило, пусть и на мгновение, её ясный безмятежный взгляд. А потом она всё равно ушла.

Рома исчерпал себя. А она.... Она, наверное, впервые за эти 13 совместных лет, не прислушалась к его словам. И всё вернулось на круги своя – её необязательно-безразличная улыбка, как в первый день знакомства, и его

одинокчество. Одинокчество, это когда вокруг много тех, кто любил его, но никого, кого он желал бы сам.

Вернувшись в спальню, Рома стал медленно заправлять постель. От одной мысли о том, что они спали вместе с женой на этой самой кровати долгие годы, ласкали друг друга, занимались любовью, у него наступила предательская эрекция. Это ощущение было почти невыносимым. Невыносимым до такой степени, что захотелось одним рывком распахнуть балконную дверь и сигануть вниз, на розовую клумбу, которую жена так оберегала от посягательств не в меру шkodливых детей и нахальных кошек - Аниски и её дочери Люськи.

Порыв удалось сдержать, лишь представив на мгновение, насколько комично будет выглядеть результат этого падения – он, переломанный, измазанный рыхлой чёрной землицей, с вырванной розой в зубах, весь в колючках, и, наверняка, живой. Высота небольшая, второй этаж. А вдруг, не выйдет насмерть разбиться? Наверняка не выйдет.... Будет больно, стыдно, противно...

Если уж и расставаться с жизнью по собственному желанию, то делать это стоит не так. Уход в мир иной должен быть приятный – снотворное с виски или ещё какой-нибудь летальный коктейль. Хотя... Когда жена узнает, ей будет больнее, от того, что Рома страдал перед смертью. А значит, имеет смысл выстрелить себе в голову из ружья или повеситься на шнуре в гостиной. А можно, на худой конец, выпрыгнуть с последнего этажа небоскрёба. Короче, способов расправиться со своим бессмысленным существованием предостаточно. Выбирай на вкус, как говорится...

Рома невесело ослабил, и с облегчением понял, что от грустных мыслей эрекция, такая неуместная в данных обстоятельствах, ослабла.

Накинув на себя хлопчатобумажную футболку и натянув на голое тело шорты, он стал медленно спускаться вниз, на кухню. Есть не хотелось, зато хотелось выпить. Он потянулся к вискарю, но тут же раздражённо одёрнул он сам себя: «Куда?» , - вчера всю ночь бухал. И сегодня. Аж до утра... Противно».

Прихватив с мраморной столешницы пачку сигарет и зажигалку, он вышел на крыльцо и сел на нагретую солнцем ступеньку. Закурил, и, шумно выпустив изо рта густое облако дыма, попытался сосредоточиться на хорошом. Вот, у него есть прекрасный дом. Уходя, жена не пожелала делить совместно нажитое имущество. Видимо, чувствует себя виноватой. А может, просто не нужно ей мелочиться – тот, другой, олигарх, вроде. Медиа-магнат, сука.... Он ей любой дом и любую квартиру купит. Наверняка, уже подыскивают где-нибудь в Зачатьевском или в Молочном, симпатичный пентхаус этажа эдак в три. И домик на Рублёвке. Семья то у мужика теперь большая... А ей всегда нравилась Барвиха.

Что же до него, до Ромы... Он тоже неплохо устроился – красивый ухоженный особняк. Не на Рублёвке, но всё таки... Рядом – озёра. Можно на катере кататься, рыбачить. И бизнес у него свой, доходный. Не олигарх, как некоторые, но тоже не бедный человек. Далёко не бедный....

В общем, не так всё и плохо, если по совести. Деньги, недвижимость, друзья. Да и здоров он, как бык, что немаловажно. А ещё – теперь у него есть свобода. Свобода, которую он и раньше имел, даже находясь в браке, а теперь – официальная, не редактируемая совестью. То есть, когда была жена, он, конечно, гулял (ну, невозможно же быть верным одной и той же женщине столько лет подряд), - но гулял осторожно. Так, чтобы не травмировать излишне свою вторую половину. У баб никогда не задерживался, и презервативы всегда держал при себе. Интересно, она догадывалась?

Рома нахмурился, и, сделав последнюю затяжку, затушил сигарету о ступеньку. Сейчас те времена казались такими далёкими, словно и не было ничего вовсе. Один лишь сон, сладкий и пьянящий, как смех этой предательницы. Хотелось поймать этот сон, зажать между пальцами, и навеки раствориться в нём. А затем уснуть, и не проснуться, навеки-вечные поселившись в блаженном и радостном небытии.

Вся долгая совместная жизнь, даже несмотря на ссоры и перепалки, которые частенько возникали между супругами, теперь казалась божественным раем. Он не понимал всё это время, как счастлив был. А жена? Была ли счастлива она все эти годы? Вряд ли он познал её окончательно, вряд ли постиг... В её безгранично чёрных, как самая крошечная тьма, глазах, никогда не умел он читать.

Солнце уверенно выкатилось на середину голубого безоблачного неба. Смотреть на него было больно, и Рома опустил взгляд вниз. Снова захотелось удавиться, застрелиться, утопиться, - в общем, не жить больше в том мире, где нет места его любви к жене.

Неожиданно, в ногу ему ткнулся прохладный влажный носик. Чёрненькая, как смола, Люська, крутилось около хозяина, доверчиво глядя на него своими глуповатыми, круглыми, как у совы, глазами.

-А, это ты, - невесело протянул он, и погладил её за острым ушком, - жрать хочешь?

-Ау, - звонко протянула кошка и подставила спинку, которая тоже была нагрета солнцем, как и всё кругом.

Рома нехотя поднялся и потопал на кухню за пакетиком кошачьего корма.

«И чего она до сих пор у нас ошивается?» - подумал он, - «уже давно бы ушла куда-нибудь, как другие Анискины дети».

Аниска, старая нелюдимая кошка, жила в их семье уже давно. Жена нашла её где-то на улице и приволокла в их первую с Ромой квартиру. Ему она сразу понравилась – такая же серьёзная и молчаливая, как и он сам.

-Пусть живёт, - после недолгого колебания сказал он тогда жене, - только, в комнаты пускать не будем и на кровать.

Несмотря на то, что у него была страшная аллергия на шерсть животных, он почувствовал, что оставить её у себя будет правильно.

И Аниска стала не просто жить. Она начала плодоносить. Каждые четыре месяца эта тихоня рожала в ванной, маленьких, похожих на крыс, разномастных котят. В какой-то момент они дружно разбежались по дому и заполняли собой всё пространство вокруг. В квартире это было сложно, а потом купили дом, и у Аниски появилась своя собственная комната.

Жена каждый раз волновалась, когда у любвеобильной кошки начинались схватки, сидела с ней всю ночь напролёт, принимала котят, как заправская акушерка. Впрочем, кошкам в таком деле помощь не нужна – они и пуповину сами себе перегрызают, и малышей своих облизывают до полной сухости. А те, несмотря на слепоту, весьма шустро находят розовый материнский сосок и прочно повисают на нём. Эти умильные мохнатые комочки довольно быстро вставали на свои крошечные когтистые лапки и начинали носиться по дому. Аниска, строгая и хмурая, как обычно, терпеливо собирала отпрысков в одну кучу и садилась на них, словно утка на яйца. Потом закрывала глаза и погружалась в тягучую тёплую дрему, умиротворённо урча.

Однажды Ромин друг попросил взять на выходные его щенка. Это был безмозглый, пушистый, визгливо лающий зверёк неопределённой породы, который своим неделикатным поведением сразу же навлёк гнев только что разрешившейся от бремени Аниски.

Она спокойно кормила своих детей в остывающей сауне, куда жена, опасаясь, что в Анискиной комнате немного прохладно, поместила её с выводком. Неожиданно в дверном проёме показался чёрный мокрый нос любопытной псины. Щенок на секунду замер на пороге, но вскоре с громким воплем ломанулся к мирно нежащейся под тёплым маминым боком семейке. Конечно, до смерти перепуганная кошка встала грудью, перекрывая мохначу доступ к своим детям. А поскольку дурачок не понял значения этого героического флэшмоба, Аниске пришлось немного погонять щенка по дому, отчего тот обделался, и с громким визгом прокусил руку подоспевшему на помощь Роме.

Ох, и досталось за это от него и Аниске, и котяткам!

Он схватил ремень и понёсся за отчаянной мамашей, на ходу выкрикивая:

-А ну иди сюда, тварь ты эдакая!

Несчастливая кошка, не понимающая, за что её хотят высечь, поскакала вверх по лестнице и вскоре одним прыжком оказалась на спасительном подоконнике, куда Рома при всём желании не смог бы дотянуться, поскольку окно было высоко.

Это ещё больше разозлило его, и, желая наказать своевольную мерзавку, он спустился вниз, взял коробку, в которой нежились детишки, и вынес на мороз. Стоял холодный февраль, ветер задувал под тонкую майку, но Роме было всё равно. В нём плескались грамм двести водки, и чувство обострённой, лишь по пьяни просыпающейся справедливости, требовало срочного выхода.

Он взял первого, рыженького котёнка, и лёгким жестом сеятеля зашвырнул его далеко вперёд, в темноту.

-Рома, не надо! – услышал он истошный вопль жены, - там же залита бетонная стяжка, он разобьётся!

-Ну и хрен с ними! – хрипло заорал он, - а ЭТА тварь в следующий раз будет знать, как себя вести.

Рыдающая жена металась между мужем, пытаясь выдернуть из его рук коробку с оставшимися котятами, и бетонной плитой, об которую с писком шмякнулся тот первый, рыженький. На её лице было такое отчаяние, что у Ромы внутри появилась ещё большая уверенность: он всё делает правильно.

-Будет знать, сволочь, как себя вести! – заорал он, и подкинул вверх ещё одного котёнка, которого жена не смогла выхватить у него из рук, - пусть теперь поищет своих хомяков, поползает на брюхе.

Жена закричала, и снова попыталась выхватить у него коробку, но он неумолимо расшвыривал котят, словно видел в этом акте возмездия какую-то высшую форму правды.

Вскоре из двери пулей вылетела Аниска и, прошмыгнув мимо Ромы, понеслась в темноту. Послышался жалобный пронзительный писк – судя по всему, первый найденный котёнок оказался живым.

Злость вдруг разом куда-то испарилась. Рома торопливо спустился с крыльца и включил уличное освещение.

Он подошёл к плите, на которой оказался первый котёнок, и увидел, что Аниска трепетно вылизывает его, трясась всем телом, а тот испуганно, но довольно урчит. Жена стояла рядом, и, заметив, как кошка нервно обводит взглядом двор,

желая различить крики остальных своих детей, встала между Ромой и пушистой семейкой, молчаливая и непреклонная, с презрительным укором в глазах.

-Да не бойся, не трону я их, - примиряюще усмехнулся Рома.

Оставив на попечении хозяйки своего рыженького, кошка понеслась дальше, разыскивать других малышей. Рома постарался, раскидывая их, и котята оказались в самых разных концах участка – кто под дровницей, кто – на клумбе, кто – под садовой скамьёй. Примечательно было то, что все они были целыми и невредимыми, только сильно перепуганными. Вот уж, правду говорят, что кошки – живучие.

Аниска осторожно, одного за другим, перетаскала всех шестерых на ту самую бетонную плиту, куда Рома выкинул первого котёнка, и собрав их в одну дрожащую, испуганно мяукающую пушистую кучку, уселась поверх, снова напомнив Роме утку, высидившую свои яйца.

Картина эта почему то так и отпечаталась в его памяти: метёт метель, ветер воет, треплет шесть на Анискином загривке, а она сидит на котятах, уставившись вперёд неподвижным взглядом – такая жалкая, и такая непреклонная в своём желании оградить своих детей от жестокости этого мира. А рядом тихо всхлипывает жена.

Рома недолго думал. Он вернулся на крыльцо за коробкой, затем вынул из под Аниски котят, несмотря на её истошное мяуканье, и водворил их обратно, на законное тёплое место.

Дома снова включили сауну, чтобы вся пушистая компания могла отогреться, и дали Аниске гуляша.

Больше Рома ни кошку, ни её детей, ни разу не обидел.

Аниска рожала часто, легко, и через какое то время жена стала оставлять её в ванной на ночь, а сама шла спать. Наутро пред умилёнными взорами домашних представала чудная картина – довольная мамаша и её крошечные отпрыски, теребящие наполненную молоком материнскую грудь своими белёсыми ворсистыми лапками, припавшие к тёплым соскам малюсенькими требовательными ротиками.

Люська была последним котёнком Аниски. В самом прямом смысле.

Начались очередные роды, кошку водрузили в ванную, и пошли спать. Какое-то шестое чувство побудило жену встать рано с утра и пойти посмотреть, всё ли в порядке...

Так или иначе, войдя, она увидела, как несчастная Аниска хрипит и задыхается, а в родовом проходе колом встал чёрненький котёнок, так некстати пошедший не

головой, а задом. Пузырь, в котором котёнок должен был появиться на свет, лопнул, вся жидкость из него вытекла.

Не долго думая, жена подскочила и потащила котёнка за лапу. Он был жив и здоров, хотя, судя по очумевшей Анискиной морде, все эти адовы муки продолжались довольно долго и неизвестно, чем могли бы закончиться, если бы не хозяйка.

Так вот этим последним котёночком, третьим в помёте, и была Люська.

Первые двое – рыженький мальчик и пятнистая, словно корова, девочка, немного подросли, окрепли, и ушли со двора, как и прочие Анискины отпрыски, а Люська осталась. Правда, в дом её не пускали, - мол, много нам двух кошек сразу, аллергия и всё такое. Однако, будочку, обитую мягким войлоком, на крыльце поставили и кормили исправно.

Потом у Аниски пошла кровь из того места, откуда обычно появлялись котята, и пришлось её стерилизовать. Роме с женой сначала даже не хватало привычного писка маленьких разномастных клубочков шерсти, которые раньше раздавались в их доме с непреклонной регулярностью, но вскоре им стало не до того – пошли свои собственные отпрыски.

Кстати, старшая дочь, в тот день, когда жена с детьми уехала из их общего дома, назвала его, своего родного отца, предателем. Так и сказала. Зло, исподлобья, когда собирала вещи в своей комнате. Рома немедленно ей возразил, мол, не уезжай, оставайся. Я с тобой. Она хмыкнула - обидно, презрительно, и глянула на него через плечо своим дерзким подростковым взглядом...

Он несколько раз звонил ей после этого на мобильный, но она ни разу не ответила. Только СМС прислала с повторным оскорблением: «Предатель!». Как будто это он виноват и бросил их. Такая чудовищная, шокирующая несправедливость, да ещё от дочери, его пупсика, которая, кажется, только вчера приставала к нему со своими детскими объятьями и поцелуйчиками, встала у него в горле огромным комом. Нет, определённо надо уходить в иной мир, и как можно скорее... Этот вывод возникал в его воспалённом сознании всё чаще и чаще, заменяя собой все другие идеи и мысли.

.....Люська, как обычно, молниеносно всосала в себя предложенное Ромой угощение, и коротко мявкнула, что могло означать на кошачьей мове «спасибо». Она всегда ела быстро, словно боялась, что еду у неё грубо вырвут изо рта, не успей она прожевать за ту пару секунд, пока горит спичка. Наверное, всё же, она в душе причисляла себя к бродячим кошкам скорее, чем к кошкам домашним, которым пищу подают несколько раз в день на блюдечке с нарядной золотой каймой.

Вылизав плошку, довольная и как будто улыбающаяся (если смотреть на кошачью морду сбоку, то всегда кажется, что она улыбается), Люська потёрлась лоснящимся бочком о ногу хозяина, сверкнула зелёным глазом, и отправилась на традиционный обход окрестных угодий.

Рома даже слегка позавидовал этой беззаботности – её то жена не бросала... Хотя... Сколько котиков отметилось на этой чернушке, пока она не забеременела и не выкинула? Кстати, её тоже пришлось стерилизовать, как и мамашу. И ничего – не по кому из ухажёров она не плачет, фотокарточку ночью не рвёт и в камине ошмётки не сжигает. Просто, натура у неё такая – необидчивая. Всё плохое быстро забывает. Может, и ему так же – разом забыть, и всё? Нет.

Он с досадой цокнул языком. Не получится ни её забыть, ни детей. Как детей вообще можно забыть? Это только кошки так умеют, – твари мохнатые... Рожают, выкармливают, на лапы ставят, и – давай, до свиданья!

Рома посмотрел на Аниску, вальяжно раскинувшуюся на газоне рядом с кустом боярышника. Помнит ли она всех тех, кого родила? Или только особо выдающихся? И если да, то, как она их запоминает? Имена им какие-то сочиняет, прозвища, или просто – снопами яркого света оседают дети в загадочной кошачьей памяти?

А вот интересно, когда они с Люськой играют в догонялки или дерутся понарошку, или когда вылизывают друг другу морды с проникновенным восторгом, помнят ли они, что состоят в самом близком родстве?

Пока Рома рассеянно рассуждал на кошачью тему, отвлекая себя от суицидальных мыслей, Люська удрала за забор в посёлок. Впрочем, он довольно скоро позабыл о ней, увидев, наконец, на дисплее мобильного сорок не отвеченных вызовов. Телефон ещё с вечера был благополучно поставлен на бесшумный режим, чтобы не мешать своему владельцу упиваться непоправимым горем.

Он ответил на несколько звонков, выслушал сбивчивые новости от партнёра по бизнесу, который через пару дней улетал в Мексику, и потому торопился решить незавершённые дела, часть которых собирался переложить на Рому. Пришлось мобилизоваться и вникать в подробности, поскольку работу пока никто не отменял.

Он поднялся на второй этаж, в кабинет, и с усердной методичностью ответил на все письма, поступившие ему на электронную почту, дал пару указаний секретарше по скайпу, посмотрел бухгалтерские отчёты и выслушал по телефону утомительно-подробную тираду юриста насчёт невыполнения Сургутским филиалом каких-то там обязательств. Он очень старался отвлечься на все эти рутинные подробности, однако, ожидаемого облегчения не почувствовал, хотя обычно при жизненных неурядицах спасался лишь работой. Ему всегда

казалось, что она не даёт человеку углубляться в свои собственные переживания. Не позволяет закинуть окончательно, потухнуть, увянуть....

Обмануть себя если и удалось, то на непродолжительное время. Через пару часов, когда утомлённый мозг стал требовать отдыха, тоска вновь подкатила к горлу – неистово, исступлённо. И снова захотелось сдохнуть. Прямо здесь и сейчас.

Сжав челюсти аж до отчаянного скрипа, он вышел на балкон, прихватив сигарету.

Щёлкнул зажигалкой, втянув в себя дым, и прикрыл глаза. На душе было так противно, что даже обычное созерцание окружающего мира стало казаться ему невыносимым. Вдруг внизу раздались протяжные жалобные вопли. Звуки были какие-то необычные, гортанные, раскатистые, похожие на кошачьи мартовские песнопения, но с иным оттенком. Это скорее был плач. Исступлённый, беспомощный, взывающий.

Вскоре звуки стихли. Вокруг снова разлилась блаженная загородная тишина. Рома с трудом вырвался из своего слепого оцепенения, перегнулся через балконные перила, осмотрелся, но, не найдя ни единого возможного источника этих криков, опять сделал затяжку.

Однако в сердце, к той тоске, что терзала его, присоединилось странное чувство тревоги. Этот факт не имел разумного объяснения, но Рома почему-то стал торопливо спускаться вниз. Выйдя на участок, он увидел взъерошенную Аниску, которая с неугомонным беспокойством в зелёных очах, кинулась ему в ноги.

-Что у тебя стряслось? – нахмурился Рома, - ты орала?

Кошка коротко мяукнула и побежала по каменной дорожке вглубь сада, часто оглядываясь на хозяина, и, как будто, приглашая его следовать за ней. Такой приём она использовала частенько, заманивая Рому на кухню, чтобы он достал из холодильника заветный контейнер с её обедом и бросил ей в белоснежную тарелку, стоящую на полу, кусочек свежего гуляша.

В данном случае, вряд ли речь шла о еде, поскольку кошка увлекала хозяина в противоположную от кухни сторону. Подбежав к заднему крыльцу, огороженному деревянной решёткой, она, наконец, остановилась и издала протяжный вопль.

Затем протиснулась через отверстие решётки, на мгновение скрылась в полумраке, и снова вынырнула оттуда с особенным выражением в беспокойных круглых глазах.

-Кто там? – раздражённо поинтересовался Рома, - мышь дохлая, что ли?

«В любом случае, решётку нужно снимать», - подумал он и пошёл за инструментами.

Избавившись от всех преград, он протиснулся под крыльцо и сразу заметил ползущий ему навстречу неопределённый сгусток слипшейся шерсти. Рома не сразу признал в этом странном создании Люську, но когда это произошло, он чуть не заорал от ужаса, увидев огромное количество красного мяса, которое тянулась по земле вслед за ней. Вначале он подумал, что это - выпотрошенные кишки, и всё же, преодолев дурноту, бережно, насколько мог, взял зверюшку на руки. Животное, а точнее, то, что от него осталось, слабо дёрнулось, и жалобно всхлипнуло.

Рома вынес кошку на свет. Она вся была грязная - под крыльцом скопилось невероятное количество пыли.

При дневном свете её увечья казались ещё более чудовищными, однако про вывороченные кишки ему всё же показалось. Просто, начиная с задней лапы, и до середины спины у неё была полностью содрана и натянута вверх шкура. Одна конечность была явно сломана, а другая болталась, перебитая и висящая, как плеть. Как то умудрилась доползти домой... Домой, за помощью... У Ромы защемило сердце от жалости.

Что же могло случиться? Он лихорадочно перебирал варианты. Собаки набросились, растерзали? Коты? Нет, коты так не смогли бы. Машина? Да, могла переехать машина.

-Ох, Роман Витальевич, не жилец кошечка то, - слышался за спиной густой бас охранника Семёна, ленивого детины, который больше всего на свете любил сидеть у себя в комнате и пялиться в телевизор. Впрочем, раз в четыре часа он торжественно совершал обход территории, чтобы к нему не было претензий со стороны работодателей.

Когда ушла Ромина жена, Семён справедливо решил, что хозяину пока на глаза лучше не попадаться, дабы ненароком не угодить под горячую руку, и затаился в охранницкой. Это длилось около недели. Потом, наблюдая за Ромой, Семён с облегчением заключил, что тот на людей с горя не кидается, с автоматом Калашникова по территории не рассекает, а значит, можно снова осуществлять свои регулярные обходы. Однако, завидев хозяина, бредущего ему навстречу с каменным слепым лицом, на всякий случай, старался проشمгнуть мимо, дабы не вызывать раздражения.

-Дела у неё плохие, - авторитетно заявил Семён, глядя через плечо хозяина на Люську, - давайте я её между глаз молоточком, а? Она быстренько того, ну, не мучилась чтоб, животное-то...

-Иди, Семён, - холодно ответил Рома, - я сейчас врача вызову.

-Да, куда уж! – не смутился Семён. Всегда осторожный в беседе с хозяином, сейчас он проявил нагловатую настойчивость, свойственную людям, которые уверены в собственной нерушимой правоте касаясь конкретного дела, - и часа не протянет, чего деньги то на ветер расшвыривать?

Он развёл неуклюжими длинными руками и добавил:

-Да вы не бойтесь, Роман Витальевич, она и понять-то не успеет ничего, я её тихонько... Я в деревне знаете сколько раз свиньям....

-Иди, Семён, - раздражённо перебил его Рома.

-Ну, как хотите, - обиженно пробубнил охранник, - я ж как лучше...

И он пошёл к дому, бормоча себе что-то под нос и качая большой взлохмаченной головой.

Вызвав врача, Рома на секунду задумался: а вдруг Семён прав и Люську уже не спасти? Ну, вот как ей поможешь, если всю её в нескольких местах, словно через мясорубку пропустили? Шкура отошла, кости раздроблены, ткани повреждены. Да, от неё вообще мало что осталось, от Люськи... И какой урод это сделал? «Найду, и башку снесу всмятку. Мне терять нечего», - угрюмо подумал он, - «а потом сам, может быть, застрелюсь. Только, надо пока помочь Люське».

Сжав зубы, Рома отнёс кошку в застеклённую беседку и положил на овальный пластиковый стол, за которым раньше собиралась вся семья, когда готовились шашлыки. Достал из шкафчика парадную скатерть, которую жена стелила лишь «в особых случаях» – белоснежную, как халат добросовестного врача. Цвет этот показался Роме вполне уместным в данных обстоятельствах.

Люська с трудом разлепила свои круглые глаза и без всякого выражения уставилась на хозяина. Взгляд этот был столь нехарактерным для неё, всегда такой общительной и весёлой, что у Ромы по спине побежали острые мурашки. Стараясь больше не смотреть на муки животного, он сел чуть поодаль, не решаясь оставить её одну ни на секунду – мало ли что может произойти, пока его не будет? Разве Аниска постережёт... Он оглянулся, но Люськиной мамыши нигде не было видно.

«Переживает где-нибудь в кустах, подойти боится», - предположил он, и невесело усмехнулся: «надо же, меня к ней подвела, вручила в надёжные руки, и пошла рефлексировать. Колбаса деловая....»

Доктор оказался молодым, чуть полноватым мужчиной лет тридцати. На свою пациентку он взглянул бесстрастным, давно привыкшим к таким вот ужасам взором, и спокойно объявил:

-Операция будет стоить восемнадцать тысяч, и успех не гарантирую.

-Реально можно спасти? – с надеждой в голосе спросил Рома. Он ожидал, что ветеринар, как и Семён предложит один-единственный вариант – усыпление. А тут, оказывается, можно попробовать. Хотя бы попытаться. Именно это «хотя бы попытаться» всегда было его девизом по жизни, и частенько приносило свои плоды, как в бизнесе, так и в личной жизни. Жену свою будущую он именно так и добился, несмотря на её первоначальное нежелание связываться с ним.

«Добился, нечего сказать», - Рома поморщился от нехоты нахлынувших воспоминаний, как от резкой боли, - «всё равно ушла, но теперь в сто раз тяжелее, чем если бы сразу отпустил»...

-Можно попробовать, - неуверенно ответил ветеринар, задумчиво ощупывая кошку.

-А шкура? Неужели приживётся?

-Да приживётся, куда денется? Вот, только не уверен, что получится восстановить лапы, с такими травмами – кто знает, будет ли она ходить..., - мужчина нахмурился, явно взвешивал Люськины шансы на счастливое будущее, - но надо попытаться, думаю.

По глазам ветеринара Рома понял, что не только гарантированная прибыль от операции его волнует. Был в его взгляде какой-то огонёк исследовательского интереса - получится или не получится, сможет или не сможет?

Стали оперировать прямо на месте. Ветеринар собрал по осколком переднюю лапу, медленно и кропотливо нанизывая ошметки костей на спицу. «Прямо, аппарат Илизарова», - подумалось Роме, - «только такой наивный, кустарный».

-Сухожилие перебито, - вздохнул ветеринар, - Сделать с этим ничего нельзя, лапа в этом месте останется неподвижной.

-Лучше неподвижная, чем никакая, - уверил Рома, войдя в азарт. Он увлёкся процессом спасения чужой жизни настолько, что о своих собственных проблемах забыл напрочь, - кошки такие приспособленцы. Научится ею пользоваться за милую душу, ещё скакать будет.

Заднюю лапу тоже делали заново, по фрагментам собирали острые осколки костей и нанизывали на спицу. Животное тяжело дышало и изредка протяжно постанывало, и, казалось, не усыплено, чувствуя всё, что происходит с ней... Каждый из этих полу вздохов – полу всхлипов казался ему последним.

Рома приподнимал лапы, держал инструменты. Было удивительно, что он, не имеющий никакого отношения к медицине, не испытывал дурноты, хоть и насмотрелся за время операции на самые страшные вещи.

-Роман Витальевич, там мужчина какой-то в калитку ломится, переживает очень,
- ворвался в сознание голос Семёна.

-Чего хочет? – хмуро спросил Рома. После произошедшего общаться не хотелось, тем более, с незнакомцами.

-Переживает человек, - участливо повторил Семён, - может, он кошку то сбил?

Чувство ярости и желание отомстить захлестнуло Рому, и он пошёл, почти побежал к калитке, намереваясь покалечить виновника происшедшего.

Однако, распахнув дверь, он понял, что его ярость как ветром сдуло. На пороге стоял пожилой мужчина с седыми растрёпанными волосами, который был одет в растянутый трикотажный пуловер и застиранные джинсы. Выглядел он весьма по дачному, как и многие люди, не рассматривающие свои загородные угодья как место, где требуется следить за дресс-кодом. Его губы дрожали, широкоскулое добродушное лицо пошло пурпурными пятнами, которые, то и дело, вздрагивали и пульсировали.

-Я ехал домой, она непонятно откуда – и под колёса, - сбивчиво начал он, бледнея и отводя глаза, - я тормознул, а она – уже...

-Проходите, - коротко пригласил Рома, - врач там сейчас лапу ей собирает.

-Жива значит? – излишне громко порадовался мужик, - ох, ну вот радость-то! У меня у самого три кошки, ах, как же так-то? А я смотрю, она из под колеса выползла, и под забор ваш зашмыгнула... Ну, думаю, ваша, не иначе....

-Наша, - на автомате повторила Рома.

-Я хочу возместить стоимость операции. Сколько?

Рома машинально назвал стоимость, но тут же спохватился:

-Не надо, я и сам в состоянии оплатить.

Мужик на секунду заколебался, ошарашенный суммой, но через пару секунд снова стал настаивать на своём.

-У меня сейчас нет такой большой суммы при себе, - взволнованно проговорил он, - но я принесу.

-Всё в порядке, - уверил его Рома, - не переживайте, к вам претензий нет. С деньгами тоже нет проблем. Я должен идти.

Не прощаясь, он пошёл обратно, к доктору и несчастной Люське.

Ей как раз накладывали гипс. Кошка то и дело приоткрывала слипшиеся глаза и обводила мутным взглядом присутствующих.

-Антибиотики колоть будете сами. У меня нет времени приезжать каждый день, – строго сказал врач, будто Рома настаивал на этом.

-Да я сам могу, наверное, – задумчиво ответил Рома, – в мышцу?

Похоже, самоубийство следует отложить на пару-тройку недель. Кто, кроме него, позаботится о животине? Жена что ли? Да она уже небось со своим магнатом завела себе зверя какого-нибудь диковинного, вроде метрового мейкуна или, на худой конец, британца. Ей всегда нравились жёлтоглазые дымчатые кошки, глядя на которых, никогда не понять, – довольны они или раздражены.

-Да. А сейчас бы нам её положить куда-нибудь, чтобы полный покой и не трогал никто. Дети в доме есть?

-Есть, – машинально ответил Рома, и тут же поправился, – уехали.

-Вот и хорошо, – сказал врач, – никто не будет её дёргать. А то, они же не понимают, дети-то.... У меня, вон, у самого трое...

Его строгое лицо, покрытое недельной щетиной, озарила горделивая радость.

«Как же все люди похожи», – с горечью усмехнулся про себя Рома, – «дети, сколько бы мороки с ними не было, всегда останутся самым главным источником радости любого, даже самого плохого отца. Дурацкая гонка за статусом, карьерным ростом, баблом, – всё это так мелко, по сравнению с тем, что называется «семья».

Кошку Рома поместил в ту самую ванну, где рожала своих котят Аниска. Он постелил ей ватное одеяло и поставил рядом с её враз осунувшейся мордочкой миску с молоком, чтобы она могла без труда дотянуться до неё, если проголодается.

Ночью пошёл дождь. Дом, нагретый солнцем, словно обмяк, с облегчением впитывая в себя живительную влагу.

Рома проснулся и сел на кровати. Странно, но впервые после расставания с женой, первой мыслью его ожившего разума была не она. Он подумал о Люське. Ему вдруг показалось, что ей страшно лежать там, в ванной, совершенно одной, тревожно прислушиваясь к раскатам грома и каплям дождя, барабанившим по крыше. Он сунул ноги в тапки и пошёл проведать кошку.

Она, и правда, была не на шутку напугана. Зелёные глаза метались по потолку, пытаясь разгадать причину этих непонятных звуков.

«Неудивительно, после того, что она пережила, будешь бояться каждого шороха», - грустно усмехнулся про себя Рома и тихонько дотронулся до дрожащего чёрного лобика, покрытого коротким ворсом. Голова была единственной частью несчастного Люськиного тела, которую не спрятали под гипсом.

Кошка вздрогнула и прижала уши. Вид у неё был настолько жалкий, что у Ромы защемило сердце. Он решительно повернулся, чтобы выйти и избавить себя от лишних переживаний – зачем ему чужая боль, если своей – через край? Он уже и так помог ей, куда уж больше? Однако, тут же остановился и снова подошёл к Люське. Взял на руки и понёс к себе в спальню. Никогда не прижимал к себе кошек из-за аллергии, а теперь вот, нарушил своё правило.

Одинокая кровать ждала, разверзнув перед Ромой свои пустые шёлковые объятия. Теперь, с дрожащим покалеченным существом на руках, он ложился на неё с совершенно иным ощущением. Ещё пару часов назад он раздумывал – а не заснуть ли ему навсегда на этом некогда брачном ложе, испив смертельную дозу снотворного? Теперь он понимал, что не имеет права так поступить.

Что будет с Люськой, если он, Рома, сейчас отправится покорять небесные высоты или дебри подземного ада? Сколько времени понадобится окружающим, чтобы понять: оба они – и хозяин, и кошка, мертвы в этом пустынном одиноком доме? Он – потому что не выдержал предательства близких. Она – потому что хозяин её – слюнтяй, эгоист, тряпка. Не думающий ни о ком, кроме себя самого. Оставивший её одну медленно погибать от голода и жажды.

Словно подглядев эту картинку из Роминой головы, кошка затряслась у него в руках, и хрипло мяукнула.

Рома осторожно положил Люську на подушку рядом с собой и улыбнулся ей в темноте. Он был уверен, что она увидела это. Или почувствовала.

Медленно уходя в сладкое царство сна, он несколько раз касался пальцами мягкой кошачьей макушки, желая проверить, на месте ли Люська. Не испарилась ли, словно ангел, выполнивший свою трудную земную миссию, и высвободившийся из оков брэнного искалеченного тела. Погладив зверька, он успокаивался и облегчённо вздыхал. Его судьба, как и судьба Люськи, была неясна в эту дождливую ночь. Они оба были так испепеляюще близки к гибели, и так отчаянно нуждались в спасении. Они двигались в разном направлении, но оказались в одной точке. Её тело было изранено, как его душа, но оба они, вероятно, должны были выжить.

Кто знает, что будет утром? Кто из нас знает, что ждёт впереди? Вот она – приходит любовь. А вот – беда. А вот – счастье, причём, откуда его не ждёшь.

Сколько душ ты уже спасла, маленькая израненная кошка, и сколько своих жизней ты отдала, чтобы вот так лежать и сквозь темноту смотреть на своего хозяина, чувствуя сердцем – теперь он точно не убьёт себя. Он останется в этом мире, пока кто-то другой не решит, что ему пора уходить.

Благодаря тебе он никогда не предаст жизнь, Люська. Ты дала ему возможность увидеть, насколько она дорога ему. Только помни, ты не навсегда. Сколько их у тебя, жизней этих? Семь? Девять? Ну, что ты молчишь? Мочишь и улыбаешься. Сама, наверное, не знаешь...

Всё конечно. Даже на небесах твоих.

Очень прошу тебя, Люська, больше не бросайся под колёса первого попавшегося автомобиля, ладно? Только когда это кому то очень-очень нужно.

Хотя, кто я такая, чтобы учить тебя?..